

УДК 94(491.1)

**ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕИСЛАНДСКИХ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ,
ОТРАЖЕННЫЕ В РАННИХ РЕДАКЦИЯХ LANDNÁMABÓK**

© 2020 г.

Е.В. Литовских

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

elitovskih@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2020

Родственные связи занимают значительное место в *Landnámabók* и отражены по большей части в генеалогических перечнях, структура которых сильно формализована. Особенностью генеалогий «Книги» является одновременное пропорциональное ведение восходящих и нисходящих линий. Различные обозначения родства встречаются также в патронимах, матронимах и прозвищах персонажей «Книги». Представляется вполне возможным рассматривать последние как вариант патронимов, где имя отца заменяется статусом отца или известным всем прозвищем отца, поскольку данный тип прозвищ выполняет именно патронимическую функцию, отсылая через общие знания из коллективной памяти исландского социума к отцу и через него к роду носителя прозвища. При этом в ранних редакциях «Книги», которые были созданы в XIII–XIV вв. (это *Sturlubók*, *Hauksbók* и очень фрагментарно сохранившаяся *Melabók*), при сохранении общей структуры повествования наблюдаются текстологические расхождения, в том числе касающиеся родственных связей. Для всех ранних редакций характерно доведение генеалогий до родов каждого из авторов. При этом *Hauksbók* отличается добавлением отдельных колен в генеалогических перечнях и корректировкой степени родства. Это не только показывает авторскую работу над редакциями, но и позволяет более четко очертить источниковую базу «Книги» и подтверждает большую самостоятельность *Hauksbók* и общий реконструируемый протограф *Sturlubók* и *Melabók*.

Ключевые слова: «Книга о занятии земли», Стурла Тордарсон, источниковедение, генеалогия, родственные связи.

Исландия оказалась последним регионом Европы, который был заселен. Разрыв между началом ее истории и письменной фиксацией событий прошлого оказался не столь велик, как в других странах, поэтому об истоках исландского общества мы знаем больше, чем о других.

Остров, получивший в дальнейшем имя «Исландия», оставался необитаемым еще в IX в., если не считать нескольких ирландских монахов-отшельников, которые, как предполагают исследователи, жили на острове вплоть до 795 г. Затем около 860 г. сюда, случайно сбившись с курса, попали скандинавские мореплаватели. Вскоре после этого началось активное заселение острова теми, кто собирался стать его постоянными жителями (традиционно называемая дата – 874 г. – это прибытие на остров Ингольва Арнарсона). Сначала поселенцев было немного, но примерно с 890-х гг. освоение острова стало массовым. Именно в это время были заняты и поделены все лучшие хозяйственные земли на побережье. Считается, что основное заселение закончилось в 930-х гг., когда первопоселенцы и их сыновья приняли общий закон для всей страны, учредили ежегодное собрание всего свободного населения (альтинг) и организовали свое общество на новом уровне, так что

политическая власть была распределена между 39 языческими священниками (годи), представлявшими каждый свою область. В середине X в. страна была разделена на четверти, в каждой из которых собирались свои местные тинги. Такое политическое устройство сохранялось в Исландии до 1262 г., когда она перешла под управление Норвегии.

В средневековом исландском обществе (как и во многих других обществах подобного типа) генеалогии (*langfædgatal*, *ættartal* – [1, р. 373, 760]) были основной формой восприятия, структурирования и репрезентации прошлого. Генеалогические сведения как элемент самоидентификации помогали осознавать непрерывность исландской жизни от основания общества до времени жизни автора, т.е. генеалогии, с точки зрения П. Эдвардса и Херманна Паульссона, были тем стержнем, на котором держалось исландское самосознание, и именно их запись была так важна для средневековых исландцев ([2, р. 8]; см. также [3, с. 510–511]). Поэтому составление и запись генеалогий знатных исландских родов стали первыми задачами нарождающейся исландской литературы.

«Книга о занятии земли» (*Landnámabók*) – одно из самых ранних сохранившихся истори-

ческих произведений Исландии. Она написана на древнеисландском языке (в отличие от большинства аналогичных континентальных произведений, созданных на латыни) и повествует о первом периоде заселения Исландии, конце X – начале XI вв. В ней последовательно рассказывается о первопоселенцах и территориях, которые они заняли по всему острову от района современной столицы Исландии Рейкьявика – места прибытия норвежца Ингольва Арнарсона (849–910), считающегося первым постоянным поселенцем.

«Книга о занятии земли» приводит подробные топографические и генеалогические сведения о первопоселенцах. Всего в ней упоминаются ок. 1500 усадеб и 3500 человек, объединенных примерно в 430 крупных родов [4, s. 616].

Материал в «Книге» организован по географическому принципу и дает, судя по всему, достаточно полную картину заселения. Административное деление Исландии определило структуру «Книги о занятии земли»: описание в ней ведется последовательно по четвертям. Оно начинается с запада Южной четверти, идет по часовой стрелке вдоль побережья вокруг всего острова и завершается, описав полный круг, опять же в Южной четверти. Тем самым описанию заселения Южной четверти оказываются посвящены две главы: первая и пятая. В конце каждой части перечисляются наиболее выдающиеся поселенцы данной четверти, а в конце «Книги» подводятся общие итоги периода заселения.

К. Хаструп и Херманн Паульссон считали, что основной целью написания «Книги о занятии земли» было подтверждение прав на земельное владение, даже через шесть–семь поколений, ставшее особенно актуальным вследствие церковных притязаний XIII в. [5, p. 182–191; 6, p. 24–28]. Аналогичного мнения придерживался и Свейнбьёрн Рафнссон. Он пытался доказать даже, что изначальные сведения о заселении были подправлены в XII–XIII вв., с тем чтобы обосновать претензии тех или иных людей на земельные участки [7].

С ними спорил Бьярни Эйнарссон, который пришел к выводу, что основную массу переселенцев составляли фермеры (скандинавские бонды), т.е. люди с небольшим достатком и не претендовавшие на крупные земельные наделы, следовательно, так основательно подтверждать свои земельные права им не требовалось [8].

Якоб Бенедиктссон, со своей стороны, полагал, что основой «Книги о занятии земли» стали, напротив, географические объекты. Он аргументировал свою позицию тем, что большинство имен в «Книге» связано исключительно с упоминаемыми в тексте топонимами, следова-

тельно, они могли сохраниться только в форме топонимических преданий, а все сведения о «неотопонимических» именах поселенцев, по его мнению, оказались утрачены ([9; 10]; ср. также [11]).

В связи с этим некоторые ученые высказывали сомнения в надежности «Книги о занятии земли» как исторического источника [12; 13; 6]. Однако более поздние исследования доказали возможность привлечения сведений «Книги» для характеристики исландского общества периода заселения [14–16].

Современные исследователи Йоун Видар Сигурдссон и Сверрир Якобссон видят цель создания «Книги» в обосновании политических притязаний некоторых представителей исландской знати, поскольку полагают, что, коль скоро многие потомки глав родов первопоселенцев стали региональными предводителями в борьбе за лидерство в XIII в., сведения о них и их предках были тем важнее, чем значимее был их статус в местной иерархии. Именно с этим статусом, а не с утратой сведений связано, по мнению этих исландских ученых, непропорциональное освещение в «Книге» истории заселения разных регионов Исландии [16; 17].

В противовес им Э.-М. Лонг рассматривает факт создания «Книги о занятии земли» как попытку конструирования культурной памяти и одновременно презентации и интерпретации прошлого, с чем нельзя не согласиться. Однако коллективная память о ранних колонистах, по ее мнению, передается в «изменчивых текстуальных формах», взятых авторами «Книги» из устной традиции. Такая изменчивость текста дает, по мнению Лонг, большой простор и вариативность в соотношении между «историзмом» и вымыслом [18, p. 56–59]. При этом неясно, имеет ли Лонг в виду под «изменчивыми текстуальными формами» генеалогические перечни (которые в силу выполнявшихся ими функций должны были передаваться в устной традиции максимально точно) или только пряди. В рамках этого определения из-за его размытости, с одной стороны, нет возможности выделить группы источников и цели создания «Книги», а с другой, нивелируется ясно видный, по нашему мнению, вклад авторов редакций «Книги» в литературную обработку имевшегося у них разнопланового (а не только, по ее словам, «устно-коллективного») материала.

Однако Лонг справедливо предполагает, что в «Книге» должна была быть информация о некоторых первопоселенцах и территориях, подробности которой впоследствии оказались утрачены. Скорее всего, в тех случаях, когда было забыто понимание происхождения топо-

Таблица

**Распределение генеалогической информации
по частям «Книги о занятии земли»**

	1	2	3	4	5
четверть	Южная	Западная	Северная	Восточная	Южная
листы	10	26	16	11	12
главы	20	32	19	12	14
X átt	35 (3.5%)	142 (5.5%)	99 (6.2%)	44 (4.0%)	41 (3.4%)
son /faðir	68/46 6.8/4.6	201/88 7.7/3.4	73/91 4.6/5.7	55/62 5.0/5.6	68/90 5.7/7.5
dóttur /móður	40/15 4.0/1.5	124/37 4.8/1.4	98/31 6.1/1.9	56/38 5.1/3.5	37/33 3.1/2.8
Длина	9–34 (3.8%)	10–79 (3.5%)	9–58 (3.2%)	9–42 (3.8%)	7–48 (4.0%)

нимов, их начинали связывать с личными именами, имеющими фонетическое или иное сходство с этими топонимами; при отсутствии топонимов вообще они могли «воссоздаваться» по имени первого владельца, и наоборот – утраченное имя первопоселенца могло быть сконструировано из названия существующего топонима [18, p. 59].

На наш взгляд, по своей подробности и достоверности информации «Книгу» можно считать своеобразным кадастром исландских земель и их владельцев: генеалогии в ней доведены до времени написания «Книги», что позволяло с высокой степенью точности определять или подтверждать наследственные права на ту или иную территорию. Эти сведения изложены сухим формульным языком, однако в некоторых случаях встречаются более развернутые топонимические легенды, висы и жизнеописания первопоселенцев. Последние выделяются стилистически, и их можно считать «прядами»¹.

Объем частей «Книги» неодинаков (см. табл.), наиболее развернутая из них – вторая, посвященная заселению Западной четверти. На наш взгляд, это связано с тем, что Западная четверть – родина Стурлы Тордарсона, автора первой редакции «Книги», и зона его политического влияния [19]. Историю и устные предания этой области он знал лучше всего, и они интересовали его больше, чем сведения о других исландских четвертях.

Родственные связи в «Книге о занятии земли» отражены, по большей части, в генеалогических перечнях. Принято считать, что они точнее саговых генеалогий, поэтому «Книга» зачастую используется исследователями для перепроверки и уточнения родственных связей персонажей саг и воспринимается ими как высоко достоверный источник в этой области. Особенности генеалогических перечней «Книги» можно проследить, прежде всего, рассматривая

формульные обороты, являющиеся неотъемлемой частью исландских генеалогий.

Устойчивый оборот «X átt» (строка 5 табл.) в тексте «Книги» отмечает либо брачные связи персонажа с другим родом, либо переход на другую ветвь генеалогии (опять же через брак). В таблице показана как абсолютная частота употребления этой формулы в тексте «Книги», так и процентное отношение к объему каждой из частей. При этом если в абсолютных числах с большим отрывом превалирует вторая часть, то относительные значения, как видим, будут соизмеримыми.

Сама структура генеалогических перечней в «Книге о занятии земли» также достаточно строго формализована. Особенностью генеалогий «Книги» (в отличие, например, от саговых генеалогических перечней) выступает одновременное пропорциональное ведение восходящих (при помощи формулы X_{son}) и нисходящих (формула $X_{faðir}$) генеалогических линий (их распределение по частям и частоту ведения см. в строке 6 табл.).

При этом для средневековых исландских генеалогий в целом характерен счет родства как по мужской, так и по женской линии. Поскольку женщины в средневековой Исландии входили в число наследников (хотя и не первой очереди), смысл чисто агнатных перечней терялся. Это их свойство сохраняется и в генеалогических перечнях «Книги о занятии земли». Соотношение восходящей (в данном случае отражено в формуле $X_{dóttur}$) и нисходящей (формула $X_{móður}$) женских линий в «Книге» оказывается преобладающим в сторону восходящей линии (строка 7 табл.).

Если рассмотреть распределение генеалогических формул по частям, то в абсолютных значениях их наибольшее число опять-таки присутствует во второй части. В процентном же отношении к объему текста все части оказыва-

ются пропорциональными, чрезмерного отрыва нигде не наблюдается.

При сравнении общей длины генеалогических перечней «Книги о занятии земли» (строка 8 табл.) опять-таки по всем частям выявляется относительно одинаковая длина (до 9 колен), которая прослеживается в равном количестве перечней (максимальная длина характерна для 3.5–4% от общего числа перечней).

* * *

Кроме генеалогических перечней родственные связи в «Книге о занятии земли» представлены многочисленными упоминаниями родственных отношений действующих лиц. Сюда можно отнести как степени кровного родства (такие, как брат, сын, дядя), так и родство по браку.

Употребление терминов свойства в средневековых исландских текстах достаточно подробно изучено [20; 21]. Относительно «Книги о занятии земли» следует отметить лишь совпадение ситуаций употребления в ней с саговыми.

В средневековой Исландии для всех родственников по браку использовался общий термин *mágr* без разграничения степени родства. В некоторых случаях по контексту или известным генеалогиям удается установить, кем именно приходится друг другу действующие лица. Так, в «Книге о занятии земли» [22] (далее в тексте – *Landn.* – *Е.Л.*) термином *mágr* обозначаются зять (*Landn.* К. 66. Bls. 46; К. 70. Bls. 49), тесть (*Landn.* К. 99. Bls. 74), деверь (*Landn.* К. 5. Bls. 3) и шурин (*Landn.* К. 56. Bls. 39). Однако в ряде сюжетов свояки состоят в более дальних родственных отношениях или степень их родства не оговаривается совсем и не поддается вычислению (11 случаев – *Landn.* К. 33. Bls. 19; К. 40. Bls. 24; К. 66. Bls. 46; К. 69. Bls. 48; К. 77. Bls. 55; К. 85. Bls. 62; К. 91. Bls. 66; К. 95. Bls. 70; К. 96. Bls. 70; К. 96. Bls. 71; К. 98. Bls. 73). Особо следует выделить использование этого термина в расширении имени²: в «Книге о занятии земли» это – Магснорри (*MágSnorri*, т.е. «Снорри-Зять» – *Landn.* К. 48. Bls. 31).

Традиционным полным именованием свободного средневекового исландца было имя с патронимом и/или прозвищем (обычным или оттопонимическим). Патроним служил краткой отсылкой к общеизвестной генеалогии (т.е. к его родовой принадлежности), а прозвище характеризовало его личные качества. При этом особого внимания заслуживают случаи именования по матери. В средневековой Исландии таким способом называли рано осиротевших детей или тех, чей отец был совсем неизвестен. К матронимическим обозначениям персонажей «Книги о занятии земли» следует отнести такие, как Гардар Сварварсон (*Svavarson* «сын Свёв» –

Landn. К. 2. Bls. 2), Флоки Вильгердарсон (*Vilgerðarson* «сын Вильгерд» – *Landn.* К. 2. Bls. 2), Одд Ирарсон (*Yrarson* «сын Ири» – *Landn.* К. 21. Bls. 10), Торгильс Хёллусон (*Hölluson* «сын Халлы» – *Landn.* К. 39. Bls. 23), Гуннар Хливарсон («сын Хлив» – *Landn.* К. 40. Bls. 24), Эйольв Вальгердарсон (*Valgerðarson* «сын Вальгерд» – *Landn.* К. 70. Bls. 49).

Различные обозначения родства встречаются также в прозвищах персонажей «Книги о занятии земли». Прозвища в средневековой Исландии помогали идентификации людей, не только отмечая особенности их внешности и поведения, но и позволяя отличить их от тезок-родственников. В последнем случае могли использоваться такие прозвища, как *Yngri* («Младший»: Херьольв – *Landn.* К. 35. Bls. 21; Хрольв – *Landn.* К. 21. Bls. 10; Кьяллак, Кольбейн – *Landn.* К. 40. Bls. 24) или *Gamli* («Старый, Старший»: саговое обозначение Стурлы Тордарсона с Лощины, деда автора первой редакции «Книги о занятии земли»).

Наиболее распространены среди прозвищ, использующих обозначения родства, были образованные по аналогии с патронимами: Епископский Сын (*Byskupsson*: Лофт – *Landn.* К. 77. Bls. 55; Рунольв – *Landn.* К. 29. Bls. 16), Сын Кислого (*Súrsson*: Гисли, сын Торбьёрна Кислого³ – *Landn.* К. 40. Bls. 25; ср. именование сестры Гисли Тордис: *Súrsdóttir* «Дочь Кислого» – *Landn.* К. 30. Bls. 16), Ярлова Дочь (*Járldsóttir*: Тордис, дочь ярла Рёгвальда⁴ – *Landn.* К. 84. Bls. 60), Дочь Хромуна (*Bægifótsdóttir*: Гейррид, дочь Торольва Хромуна – *Landn.* К. 30. Bls. 16). Представляется вполне возможным рассматривать их как вариант патронимов, где имя отца заменяется социальным статусом отца или известным всем прозвищем отца, поскольку данный тип прозвищ выполняет именно патронимическую функцию, отсылая через общие знания из коллективной памяти исландского социума к отцу и через него к роду носителя прозвища.

При этом в «Книге» встречаются и прозвища по наименованию других родственных связей. Это – прозвища, образованные для сестры (*Allrasystur* «Сестра Всех»: Ингвельд, у нее было большое количество политически активных братьев – *Landn.* К. 68. Bls. 47), брата (*Ragabróðir* «Брат Раги»: Торарин, его старший брат Раги был главой рода⁵ – *Landn.* К. 40. Bls. 24), отчима (*Geirólfsstjúpr* «Отчим Гейрольва»: Торлейв – *Landn.* К. 73. Bls. 51; *Örrabeinsstjúpr* «Отчим Ноги Битвы»: Торгильс, он был отчимом Торгрима Ноги Битвы – *Landn.* К. 96. Bls. 71), наследника (*Karlsefni* «Наследник»: Торфинн – *Landn.* К. 38. Bls. 22), воспи-

тателя⁶ (*Hrómundarfóstri* «Воспитатель Хромунда»: Торлейв – *Landn.* К. 54. Bls. 35; ср. именование конунга Хакона в исландской традиции *Aðalsteinsfóstri* «Воспитанник Адальстейна»⁷ – *Landn.* К. 17. Bls. 7). Сюда же можно отнести прозвище *Heiðarekkja* («Вдова с Пустоши»: Торгерд – *Landn.* К. 12. Bls. 24).

Прозвища такого типа – так же, как патронимические – помогали идентифицировать своих носителей через наиболее известного агента в их окружении, будь то воспитатель или отчим, и включить его тем самым в круг узнаваемых средневековыми исландцами персон.

* * *

Все вышеперечисленные случаи использования родственных связей являются общими для всех редакций «Книги о занятии земли». Однако в интересующих нас ранних редакциях можно выделить и различия по этому вопросу.

Исследователями выделяются пять основных редакций «Книги о занятии земли», отразившихся в рукописях разной степени сохранности. Три редакции «Книги» – древние, XIII–XIV вв. (это *Sturlubók*, *Hauksbók* и очень фрагментарно сохранившаяся *Melabók*), а две другие – XVII в., хотя и основанные на более древних (*Skarðsárbók* и *Þórðarbók*).

Взаимоотношения редакций «Книги о занятии земли» достаточно сложны и продолжают оставаться предметом споров исследователей (подробнее о текстологическом соотношении редакций «Книги о занятии земли» и истории их изучения см. [23; 24, bls. 140–180; 25; 2, p. 9; 7]).

Древнейшая из редакций «Книги о занятии земли» (*Sturlubók*, «Книга Стурлы») датируется примерно 1275–1280 гг. Она была написана исландским ученым, поэтом и политическим деятелем Стурлой Тордарсоном (1214–1284), принадлежащим к одному из знатнейших и влиятельнейших родов Исландии XIII в.

Sturlubók дошла до нас в единственном бу-мажном списке середины XVII в. (рукопись AM 107 fol), сделанном одним почерком с пергаменного протографа, который сгорел в Копенгагенском пожаре 1728 г. Все исследователи сходятся на том, что это – рука священника Йоуна Эрлендссона из Потока. Данная рукопись состоит из 80 листов, лл. 76–80 об. – чистые, оставлены места для инициалов. Текст рукописи разделен самим Йоуном на 102 главы (после гл. 40 идет гл. 42), главы 1–3, 10 и 11 кроме порядкового номера имеют заголовки, выполненные прописными буквами. Исправлений и по-марок в тексте практически нет. По утверждениям источниковедов, орфография рукописи свидетельствует о том, что Йоун пользовался списком ок. 1400 г. [25, bls. LXIII].

Большая часть текста *Sturlubók* совпадает с остальными редакциями, хотя в поздних редакциях имеются небольшие сюжетные дополнения и уточнения родословных. Значительно отличаются по тексту и содержанию лишь первые пять глав, эпилог, вставленный в редакцию *Hauksbók*, и так наз. «дополнения» (*viðauki*) поздней редакции *Skarðsárbók*.

Если для выяснения различий в обозначении родственных связей мы берем за основу *Sturlubók* как самую древнюю, то помимо вышеперечисленного, свойственного всем редакциям, можно отметить, что для нее характерно доведение генеалогий до известных историков Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133) (*Landn.* К. 17. Bls. 7; К. 60. Bls. 42; К. 92. Bls. 68; К. 94. Bls. 69) и Ари Торгильссона Мудрого (1067/68–1148) и рода Стурлунгов (14 генеалогических перечней по отцовской и материнской линиям – *Landn.* К. 10. Bls. 21; К. 27. Bls. 15; К. 39. Bls. 23; К. 44. Bls. 28; К. 48. Bls. 30; К. 59. Bls. 41; К. 64. Bls. 44; К. 69. Bls. 49; К. 70. Bls. 49; К. 75. Bls. 54; К. 81. Bls. 59; К. 83. Bls. 60; К. 86. Bls. 63; К. 89. Bls. 66).

В генеалогическом перечне, где упоминается Ари, настолько велика концентрация известных личностей (в том числе епископов Скальхольта), что уместнее привести его целиком: *Hrollaugur var faðir Aussurar keiliselgs, er átti Gró dóttur Þórðar illuga. Dóttir þeirra var Þórdís móðir Halls á Síðu. Annar son Hrollaugis var Hróaldur, faðir Óttars hvalróar, föður Guðlaugar, móður Þorgerðar, móður Járngerðar, móður Valgerðar, móður Bauðvars, föður Guðnýjar, móður Sturlusona. Aunundur var en þriðji son Hrollaugis. Hallur á Síðu átti Jóreiði Þiðrandadóttur. Þeirra son var Þorstein, faðir Magnúss, föður Einars, föður Magnúss byskups. Annar son Halls var Egill, faðir Þorgerðar, móður Jóns byskups ens helga. Þorvarður Hallsson var faðir Þórdísar, móður Jórunnar, móður Halls prests, föður Gissurar, föður Magnúss byskups. Yngvilldr Hallsdóttir var móðir Þóreyjar, móður Sæmundar prests ens fróða. Þorstein Hallsson var faðer Gyðríðar, móður Jóreiðar, móður Ara prests ens fróða. Þorgerðr Hallsdóttir var móðir Yngvilldar, móður Ljóts, föður Járngerðar, móður Valgerðar, móður Bauðvars, föður Guðnýjar, móður Sturlusona* («Хроллауг был отцом Эцура Бросмия, который женился на Гро, дочери Торда Злодея. Их дочерью была Тордис, мать Халля с Побережья. Вторым сыном Хроллауга был Хроальд, отец Отгара Китовых Объятий, отца Гудлауг, матери Торгерд, матери Ярнгерд, матери Вальгерд, матери Бёдвара, отца Гудню, матери сыновей Стурлы. Энунд был третьим

сыном Хроллауга. Халль с Побережья женился на Йорейд Тидрандаоттир. Их сыном был Торстейн, отец Магнуса, отца Эйнара, отца епископа Магнуса. Вторым сыном Халля был Эгиль, отец Торгерд, матери епископа Йона Святого. Торвард Халльссон был отцом Тордис, матери Йорунн, матери священника Халля, отца Гицура, отца епископа Магнуса. Ингвильд Халльсдоттир была матерью Торей, матери священника Сэмунда Мудрого. Торстейн Халльссон был отцом Гудрид, матери Йорейд, матери священника Ари Мудрого. Торгерд Халльсдоттир была матерью Ингвильд, матери Льота, отца Ярнгерд, матери Вальгерд, матери Бёдвара, отца Гудню, матери сыновей Стурлы» – *Landn.* К. 83. Bls. 60).

Сэмунда и Ари принято считать основоположниками исландской исторической мысли, их трудами (как дошедшими до нас, так и несохранившимися) Стурла Тордарсон пользовался при написании своей редакции «Книги о занятии земли», поэтому доведение Стурлой генеалогий до них, как и до собственных родичей, выглядит логичным.

В число явных писцовых ошибок *Sturlubók* (наиболее распространенной среди которых является неправильное написание имен, легко восстанавливаемое по другим редакциям), касающихся родственных связей, следует отнести пропуск степени родства (*Landn.* К. 31. Bls. 17) или вставку лишней родственной связи (*Helgi skarfr var faðir Þorbjargar móður* [выделено нами. – Е.Л.] *kautlu* «Хельги Баклан был отцом Торбьёрг, матери Лохани» – *Landn.* К. 46. Bls. 29). Остальные различия уместнее рассматривать уже на следующих редакциях в их сравнении с первой.

Вторая редакция – *Hauksbók* («Книга Хаука») – была составлена Хауком Эрлендссоном (1264–1334 гг.) ок. 1306–1308 гг. От нее до нас дошли 14 листов автографа Хаука (рукопись AM 371 4to) и список XVII в. (рукопись AM 105 fol), сделанный тогда, когда в рукописи Хаука еще существовали утраченные ныне листы. Список был сделан (как и сохранившийся список *Sturlubók*) Йоуном Эрлендссоном из Потока. Помимо отличных от других редакций вводных глав и эпилога в *Hauksbók* имеются заголовки смысловых разделов (81 в противовес всего 5 заголовков начальных глав *Sturlubók*, причем один из них отличается от заголовка той же главы *Hauksbók*). Данные заголовки отмечают фрагменты текста, посвященные наиболее известным первопоселенцам. Заголовки *Hauksbók* не вступают в противоречие с делением на главы, однако не все главы оказываются озаглавлены.

Разночтения этой редакции со *Sturlubók*, как считает Э.-М. Лонг, были вызваны тем, что к началу XIV в. (по сравнению со второй половиной XIII в.) сильно уменьшилась ценность возведения родословных к знатым норвежцам и Хауком были целенаправленно переставлены акценты на связи с ирландским королем [18, р. 56–59]. На наш взгляд, в этой редакции никак не прослеживается подобное стремление переставить акценты на ирландское происхождение исландцев, во-первых, потому что основная масса кельтских переселенцев принадлежала к низшим слоям общества, рабам и зависимым (см. [26]); а во-вторых, достаточно большое количество добавлений в *Hauksbók* касается родов, не имеющих кельтов в своих предках. Даже добавление, касающееся потомков Несьякньюка (ирландца, судя по имени), вставлено в *Hauksbók*, на наш взгляд, не из-за его происхождения, а из-за того, что его потомками были лагманы (Халль, Геллир и Равн) и сам Хаук (*Landn.* К. 46. Bls. 29). То же можно сказать и о добавлении потомков Кормлёд, дочери Кьярвала (*Landn.* К. 100. Bls. 75) и Стейна Брандакссона (*Landn.* К. 79. Bls. 57). Хотя следует отметить, что рассказ про занятие земли первопоселенцем Хельги Тошим (воспитывавшимся на Британских островах) в *Hauksbók* кардинально отличается от этого же сюжета в *Sturlubók* (*Landn.* К. 10. Bls. 5). Однако это, скорее всего, связано не с происхождением Хельги (из знатного норвежского, а не кельтского рода), а с источниками *Hauksbók*, отличными от *Sturlubók*.

Продления генеалогий в *Hauksbók*, в большинстве своем, касаются родственников Хаука (5 случаев – *Landn.* К. 46. Bls. 29; К. 64. Bls. 45; К. 66. Bls. 46; К. 75. Bls. 54; К. 100. Bls. 75), известных людей (ярла Гицура – *Landn.* К. 68. Bls. 48; К. 101. Bls. 75; Сэмунда Мудрого – *Landn.* К. 14. Bls. 6; Стурлунгов – *Landn.* К. 21. Bls. 10; Лофта Старого – *Landn.* К. 95. Bls. 70; Тунгу-Одда – *Landn.* К. 13. Bls. 6; законоговорителя⁸ Скафти – *Landn.* К. 79. Bls. 57; *Landn.* К. 86. Bls. 63) или людей, которых он хорошо знал и которые стали активны как в светской, так и в церковной политике за 30 лет, прошедшие после написания *Sturlubók*. Последними можно считать господина Равна (*Landn.* К. 21. Bls. 10; К. 47. Bls. 30), лагманов⁹ Финна (*Landn.* К. 101. Bls. 75), Халля (*Landn.* К. 46. Bls. 29), Геллира (*Landn.* К. 46. Bls. 29), и скальхольтских епископов Паля (*Landn.* К. 21. Bls. 10; К. 41. Bls. 26) и Бранда (*Landn.* К. 36. Bls. 21).

В то же время в редакции *Hauksbók* по сравнению с *Sturlubók* наблюдаются разночтения фрагментов генеалогий. Сюда можно отнести

выпадение отдельных колен (*Landn.* К. 29. Bls. 16; К. 47. Bls. 30; К. 86. Bls. 63; К. 96. Bls. 70), изменение степени родства (*Landn.* К. 45. Bls. 28; К. 52. Bls. 34; К. 78. Bls. 56), появление дополнительных детей или прочих родственников (*Landn.* К. 20. Bls. 10; К. 39. Bls. 23; К. 86. Bls. 62; К. 91. Bls. 66). Причем в большинстве своем они опять-таки затрагивают известных исландцев, совершенно необязательно ведущих свой род от кельтских поселенцев.

Разночтения редакции *Hauksbók* со *Sturlubók* не касаются прочих родственных связей и при этом наиболее множественны во второй части и практически отсутствуют в третьей части, посвященной заселению Северной четверти. Скорее всего, последнее было связано с тем, что Северная четверть была наиболее удалена от мест проживания как Стурлы, так и Хаука и не входила в сферу их политических интересов. Кроме того, вполне возможно, что как у Стурлы, так и у Хаука не было большого количества дополнительных источников по истории этой четверти, и они оба использовали в своей работе реконструируемый протограф «Книги о занятии земли» (так наз. «Книгу Стюрмира»¹⁰), чем и вызвано единство их текстов в этом разделе.

Редакция *Melabók* сохранилась всего лишь на двух пергаменных листах начала XV в. (рукопись AM 445b 4to). В XVII в. большая ее часть (на тот момент еще существовавшая) была использована Тордом Йоунссоном из Хитардаля для составления собственной редакции «Книги» (*Þórðarbók*), что отчасти позволяет реконструировать редакцию *Melabók*. Имя составителя *Melabók* неизвестно, однако ясно, что он был тесно связан с хутором Песчаник (Mel); об этом свидетельствует название рукописи, а также то, что генеалогии семьи, владевшей данным хутором, в этой редакции специально прослежены вплоть до XIV в. (*Landn.* К. 33. Bls. 18; К. 34. Bls. 18; К. 41. Bls. 26; К. 43. Bls. 27), что может быть предположительным временем написания *Melabók*. С большой долей вероятности предполагается, что автором этой редакции был Снорри Маркуссон с Песчаника (ум. 1313 г.).

Исходя из этого, некоторые фрагменты редакции *Þórðarbók*, как раз касающиеся дополнений про жителей Песчаника, можно однозначно считать написанными на основе утраченных ныне листов *Melabók* (*Landn.* К. 40. Bls. 24; К. 46. Bls. 29; К. 64. Bls. 45; К. 71. Bls. 50; К. 73. Bls. 50; К. 73. Bls. 53; К. 75. Bls. 54; К. 77. Bls. 56; К. 85. Bls. 61).

Дополнение в редакции *Melabók* генеалогии Манна-Льота с перечислением всех 14 детей Гейрмунда с Чайчного Склона, возможно, связано с тем, что данный род жил в непосредственной близости от Песчаника (*Landn.* К. 29. Bls. 16).

Необходимо отметить и дополнения *Melabók*, касающиеся Стурлунгов, отсутствующие в *Hauksbók* (*Landn.* К. 39. Bls. 23; К. 81. Bls. 59). Снорри Маркуссон, по-видимому, использовал собственные источники и считал необходимым вставить известную ему информацию. При этом следует учесть тот факт, что большинством исследователей доказано, что *Melabók* писалась с опорой на «Сагу о людях из Озёрной Долины» [27, р. 51], которой не пользовались ни Стурла, ни Хаук. Следовательно, эта редакция текстуально дальше от первых двух.

Таким образом, генеалогическая информация и родственные связи в целом занимают значительное место в «Книге о занятии земли». С их помощью персонажи «Книги» оказываются вписаны в полотно исландской истории раннего периода и определяют свое положение как среди предков (посредством генеалогических перечней), так и среди своих современников (через прочие родственные связи). Свой вклад в идентификацию персонажей «Книги» вносят их прозвища, среди которых имеется немалая доля использующих термины родства. Часть из них можно приравнять к образованным по патронимической модели, т.е. являющихся основным маркером социальной принадлежности средневековых исландцев.

При этом в ранних редакциях «Книги о занятии земли» при сохранении общей структуры повествования наблюдаются текстологические расхождения, в том числе касающиеся родственных связей. Кроме обычных писцовых ошибок сюда следует отнести авторские добавления каждого из редакторов «Книги». Для всех ранних редакций характерно доведение генеалогий до родов каждого из авторов. При этом *Hauksbók* отличается добавлением отдельных колен в генеалогических перечнях и корректировкой степеней родства. Это не только показывает авторскую работу над ранними редакциями и стремление прочно включить свой род в исландскую историю, но и позволяет более четко очертить источниковую базу «Книги» и подтверждает большую самостоятельность *Hauksbók* и общий реконструируемый протограф *Sturlubók* и *Melabók*.

Прочие же сведения о родственных связях во всех ранних редакциях «Книги», в большинстве своем, едины и дают целостную картину, в общих чертах совпадающую с данными других синхронных исландских источников.

Примечания

1. На наш взгляд, термин «пряди» в данном случае уместен, поскольку эти фрагменты точно так же вставлены в текст «Книги о занятии земли», как

«пряди об исландцах» – в состав королевских саг ([28, с. 6–41]; о прядях в «Книге о занятии земли» см. [28, с. 34]).

2. В средневековой Исландии одноосновное имя могли расширить до двухосновного (более типично для древнеисландского языка) за счет прозвища. Тогда либо имя становилось двухосновным (имена таких известных исландцев, как Хьёрлейв, Кведульв, Скаллаграмм), либо могли употреблять в зависимости от ситуации как краткое имя, так и имя с расширением (Несьякньюк мог именоваться Кньюком с Мыса, Сидухалль – Халлем с Побережья и пр.). Гораздо реже (и с сохранением вариативности именования) использовались расширения двухосновных имен: Стурла с Лощины мог называться Хваммстурлой.

3. Гисли (ум. 978), сын херсира из Сурнадаля Торбьёрна Кислого, – главный герой одноименной саги.

4. Известный ярл Рёгвальд Мудрый (ок. 830–892), правитель норвежских областей Мэри и Раумсдаля, упоминается во многих сагах.

5. Торарин (род. ок. 910–969) и его старший брат Раги были сыновьями переселенца Олейва Рукояти (род. ок. 877). Торарин в 950–969 гг. был законоговорителем. Оба брата упоминаются во многих сагах, в том числе «Саге о Ньяле» и «Саге об Эгиле».

6. Воспитателем в средневековой Исландии становился человек, находившийся ниже по социальному положению, чем родители ребенка. Он мог быть как родственником (кровным или свояком), так и совершенно посторонним человеком. Ребенка отдавали на воспитание, чтобы он получил хорошее образование в семье воспитателя; возможно, в дальнейшем стал наследником своего воспитателя или для подтверждения заключения мирного договора между родами родителей и будущего воспитателя (тогда ребенок становился своеобразным заложником и гарантом соблюдения этого договора). Воспитанник и дети воспитателя считались побратимами (*fóstrbræðir*), хотя обряд побратимства можно было заключить и отдельно.

7. Речь идет о норвежском конунге Хаконе Добром Харальдссоне (933–996, правил в 945–960 гг.), упоминаемом во многих родовых сагах. Адальстейном в сагах называли английского короля Этельстана Победителя (924–940), при дворе которого, действительно, воспитывался Хакон.

8. Законоговоритель (исл. *lögsögumaðr*) – высшая исландская правовая должность, предполагающая знание законов и их регулирование путем оглашения со Скалы Закона на альтинге (общем собрании всего исландского свободного населения). Законоговоритель выбирался на 3 года, но многие из них избирались по несколько раз (иногда подряд).

9. Лагман (исл. *lögmaðr*) – норвежское должностное лицо, по статусу близкое к латинскому барону. Исландцы наделялись этим титулом с целью проведения на острове политики норвежского конунга.

10. «Книга Стурмира» (*Styrmisbók*) – несохранившаяся проторедакция «Книги о занятии земли», написанная, предположительно, ок. 1220 г. священником Стурмиром Карасоном (1170?–1245 гг.), жившим в Одди и бывшим личным помощником

Снорри Стурлусона (1179–1241 гг.), дяди Стурлы Тордарсона. О вкладе Стурмира в написание «Книги» и возможности реконструирования *Styrmisbók* – см. [23, bls. 17; 24, bls. 174; 25, bls. LXIII–LXIV].

Список литературы

1. Icelandic-English Dictionary by R. Cleasby and Guðbrand Vígþússon. Oxford: Clarendon press, 1874. 880 p.
2. Edwards P., Hermann Pálsson. Preface // The book of Settlements. Winnipeg: University of Manitoba press, 1972. 159 p.
3. Мельникова Е.А. Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. С. 464–526.
4. Kristmann Guðmundsson. Landnam // Samtiden. Vol. XLIII. Oslo, 1932. S. 606–622.
5. Hastrup K. Classification and Demography in Medieval Iceland // Ethnos. 1979. Vol. 44. P. 182–191.
6. Hermann Pálsson. A foundation myth in Landnámabók // Mediaeval Scandinavia. 1988. Vol. 12. P. 24–28.
7. Sveinbjörn Rafnsson. Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia // Bibliotheca Historica Lundensis. Vol. 31. Lund: Lund University press, 1974. 256 p.
8. Bjarni F. Einarsson. The Settlement of Iceland. A Critical Approach. Granastaðir and the Ecological Heritage // Gothenburg Archaeological Theses. Vol. 4. Gothenburg: Gothenburg University press, 1995. 202 p.
9. Jakob Benediktsson. Landnámabók: Some Remarks on Its Value as a Historical Source // Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 17. L.: University College London, 1969. P. 275–292.
10. Jakob Benediktsson. Landnám og upphaf allsherjarríks // Saga Íslands. Vol. 1. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1974. Bls. 153–196.
11. Bandle O. Die Ortsnamen der Landnámabók // Sjötiú ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni 20. Júlí 1977. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar, 1977. Vol. 1. S. 47–68.
12. Sigurður Lindal. Sendiför Úlfjótis: Ásamt nokkrum athugasemdum um landnám Íngólfs Amarnsonar // Skírnir. Vol. 143. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1969. Bls. 5–26.
13. Preben Sørensen M. Sagan um Íngólf og Hjörleif: Athugasemdir um söguskoðum íslendinga á seina hluta þjóðveldisaldar // Skírnir. Vol. 148. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1974. Bls. 20–40.
14. Orri Vésteinsson. Patterns of Settlement in Iceland. A Study in Prehistory // Saga-Book of the Viking Society. Vol. 25/1. L.: University College London, 1998. P. 1–29.
15. Walker P., Byock J., Eng J.T., Erlandson J., Holck P., Prizer K., Tveskov M. Bioarchaeological evidence for the heath status of an early Icelandic population // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Supplement 38. P. 110–120.

16. Sverrir Jakobsson. The Process of State-formation in Medieval Iceland // *Viator*. 2009. Vol. 40. N. 2. P. 151–170.
17. Jón Viðar Sigurðsson. Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth // *The Viking Collection. Studies in Northern Civilization*. V. 12. Odense: Odense University Press, 1999. P. 196–197.
18. Long A.-M. Sturlubók and Cultural Memory // *The Northern World*. Vol. 78. Leiden: Brill, 2017. P. 56–69.
19. Литовских Е.В. Мастерская Стурлы Тордарсона: устные и письменные источники Sturlubók // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2017 год. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2019. С. 196–215.
20. Джексон Т.Н. Зятья, шурины, тесты и прочие mágar (брачные связи в освещении древнескандинавских источников) // *Номо Historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В двух книгах. Книга I. М.: Наука, 2003. С. 723–728.
21. Успенский Ф.Б. Категория свойств (mágsemð) в древнескандинавской модели родовых отношений: к постановке проблемы // *Слово в перспективе литературной эволюции: к 100-летию М.И. Стеблин-Каменского* / Отв. ред. О.А. Смирницкая; Сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 130–180.
22. Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // *Íslensk Handrit*. Ser. In folio. Reykjavík: The Manuscript Institute of Iceland, 1974. Bd. 3.
23. Barði Guðmundsson. Uppruni Landnámabókar // *Skírnir*. Bd. CXII. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1938. Bls. 5–22.
24. Jón Jóhannesson. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík: Félagsprentsmiðjan, 1941. 231 bls.
25. Jakob Benediktsson. Formáli // *Íslendingabók*. Landnámabók. Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið Íslenska fornritafélag, 1968 (ÍF. Bd. 1). Bls. LXIII–LXXI.
26. Gísli Sigurðsson. Gaelic Influence in Iceland. Reykjavík: Bókaútgáfa Menningarsjóðs, 1988 (*Studia Islandica*. B. 46). 172 p.
27. Sveinbjörn Rafnsson. Landnámabók and Its Stulubók Version // *The Northern World*. Vol. 78. Leiden: Brill, 2017. P. 56–69.
28. Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах». М.: Наука, 2004. 424 с.

FEATURES OF OLD ICELANDIC KINSHIP RELATIONS REFLECTED IN EARLY EDITIONS OF *LANDNÁMABÓK*

E.V. Litovskikh

Kinship relations occupy a significant place in *Landnámabók* and are represented, for the most part, in genealogical lists of highly formalized structure. A feature of the *Landnámabók*'s genealogy is the simultaneous proportional presentation of ascending and descending lines. Various designations of kinship also occur in the patronyms, matronyms and nicknames of the persons in *Landnámabók*. It seems quite possible to consider the latter as a variant of patronyms, where the father's name is replaced by his status or famous nickname, since this type of a nickname fulfills the patronymic function, referring to the father and through him to the family of the nickname bearer via the common knowledge from the collective memory of Icelandic society. Moreover, while the early editions of *Landnámabók* created in the 13th and 14th centuries (i.e., *Sturlubók*, *Hauksbók* and the very fragmentally preserved *Melabók*) preserve the general narrative structure, there are textual differences, including those related to kinship. All early editions trace genealogies to the family of the author. At the same time, *Hauksbók* is distinguished by the addition of several generations to genealogical lists and the adjustment of kinship degree. This not only shows the authors' work on the editions, but also makes it possible to outline the source base of *Landnámabók* more clearly, and confirms the greater independence of *Hauksbók* and the general reconstructed protograph of *Sturlubók* and *Melabók*.

Keywords: Landnámabók (The Book of Settlements); Sturla Þórðarson; source criticism; genealogy; kinship relations.

References

1. Icelandic-English Dictionary by R. Cleasby and Guðbrand Vigfússon. Oxford: Clarendon press, 1874. 880 p.
2. Edwards P., Hermann Pálsson. Preface // *The book of Settlements*. Winnipeg: University of Manitoba press, 1972. 159 p.
3. Mel'nikova E.A. Genealogiya i nachala island-skonorvezhskogo istoriopisaniya // *DG*, 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvah Drevnosti i Srednevekov'ya. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2016. S. 464–526.
4. Kristmann Guðmundsson. Landnam // *Samtiden*. Vol. XLIII. Oslo, 1932. S. 606–622.
5. Hastrup K. Classification and Demography in Medieval Iceland // *Ethnos*. 1979. Vol. 44. P. 182–191.
6. Hermann Pálsson. A foundation myth in Landnámabók // *Mediaeval Scandinavia*. 1988. Vol. 12. P. 24–28.
7. Sveinbjörn Rafnsson. Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia // *Bibliotheca Historica Lundensis*. Vol. 31. Lund: Lund University press, 1974. 256 p.
8. Bjarni F. Einarsson. The Settlement of Iceland. A Critical Approach. Granastaðir and the Ecological Heritage // *Gothenburg Archaeological Theses*. Vol. 4. Gothenburg: Gothenburg University press, 1995. 202 p.
9. Jakob Benediktsson. Landnámabók: Some Remarks on Its Value as a Historical Source // *Saga-Book of the Viking Society for Northern Research*. Vol. 17. L.: University College London, 1969. P. 275–292.
10. Jakob Benediktsson. Landnám og upphaf allsherjarriks // *Saga Íslands*. Vol. 1. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1974. Bls. 153–196.
11. Bandle O. Die Ortsnamen der Landnámabók // *Sjöttu ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni* 20. Júlí 1977. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar, 1977. Vol. 1. S. 47–68.

12. Sigurður Línal. Sendiför Úlfjóts: Ásamt nokkrum athugasemdum um landnám Íngólfs Arnarsonar // Skírnir. Vol. 143. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1969. Bls. 5–26.
13. Preben Sørensen M. Sagan um Íngólf og Hjörleif: Athugasemdir um söguskoðum íslendinga á seina hluta þjóðveldisaldar // Skírnir. Vol. 148. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1974. Bls. 20–40.
14. Orri Vésteinsson. Patterns of Settlement in Iceland. A Study in Prehistory // Saga-Book of the Viking Society. Vol. 25/1. L.: University College London, 1998. P. 1–29.
15. Walker P., Byock J., Eng J.T., Erlandson J., Holck P., Prizer K., Tveskov M. Bioarchaeological evidence for the heath status of an early Icelandic population // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Supplement 38. P. 110–120.
16. Sverrir Jakobsson. The Process of State-formation in Medieval Iceland // Viator. 2009. Vol. 40. H. 2. P. 151–170.
17. Jón Viðar Sigurðsson. Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth // The Viking Collection. Studies in Northern Civilization. V. 12. Odense: Odense University Press, 1999. P. 196–197.
18. Long A.-M. Sturlubók and Cultural Memory // The Northern World. Vol. 78. Leiden: Brill, 2017. P. 56–69.
19. Litovskih E.V. Masterskaya Sturly Tordarsona: ustnye i pis'mennye istochniki Sturlubók // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2017 god. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2019. S. 196–215.
20. Dzhakson T.N. Zyat'ya, shuriny, testi i prochie mágar (brachnye svyazi v osveshchenii drevneskandi-navskih istochnikov) // Homo Historicus. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo. V dvuh knigah. Kniga I. M.: Nauka, 2003. S. 723–728.
21. Uspenskij F.B. Kategoriya svoystva (mágsemð) v drevneskandinavskoj modeli rodovyh otnoshenij: k postanovke problemy // Slovo v perspektive literaturnoj evolyucii: k 100-letiyu M.I. Steblin-Kamenskogo / Otv. red. O.A. Smirnitskaya; Sost. O.A. Smirnitskaya, F.B. Uspenskij. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. S. 130–180.
22. Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // Íslenzk Handrit. Ser. In folio. Reykjavík: The Manuscript Institute of Iceland, 1974. Bd. 3.
23. Barði Guðmundsson. Uppruni Landnámabókar // Skírnir. Bd. CXII. Reykjavík: Íslenska bókmenntafélagið, 1938. Bls. 5–22.
24. Jón Jóhannesson. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík: Félagsprentsmiðjan, 1941. 231 bls.
25. Jakob Benediktsson. Formáli // Íslendingabók. Landnámabók. Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið Íslenska fornritafélag, 1968 (ÍF. Bd. 1). Bls. LXIII–LXXI.
26. Gísli Sigurðsson. Gaelic Influence in Iceland. Reykjavík: Bókaútgáfa Menningarsjóðs, 1988 (Studia Islandica. B. 46). 172 p.
27. Sveinbjörn Rafnsson. Landnámabók and Its Stulubók Version // The Northern World. Vol. 78. Leiden: Brill, 2017. P. 56–69.
28. Gurevich E.A. Drevneskandinavskaya novella: poetika «pryadej ob islandcah». M.: Nauka, 2004. 424 s.